

Князь Момб и Я

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

16+

Елена Звездная
Князь Тьмы и я

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Звездная Е.

Князь Тьмы и я / Е. Звездная — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В мире, где даже полицейские чувствуют себя незащищенными и слабыми, правят вампиры. Они главенствуют над нами потому, что сильны, могущественны и коррумпированы. Они во главе правительства, под них подстраивают законы, они неприкосновенны, но... Одна попытка спасти девушку, одно неосторожное слово, столкновение двух сильных характеров и... капец вампирам. Основательный, полный и сокрушительный.

Елена Звездная Князь Тьмы и я

Я стояла, с трудом сдерживая нецензурную брань. И дышала. Четыре раза вдох через нос, четыре выдоха ртом, а так же формула-успокоения «С каждым днем я становлюсь все спокойнее и спокойнее»... И так пока не упокоят – ехидно подсказал внутренний голос.

Одну вот уже упокоили.

Я посмотрела на контуры человеческого тела, обозначенные закрывшей его белой простыней, вздрогнула, когда работники морга рывком подняли убитую на носилках и выкатили тележку из бутика. Из бутика в самом фешенебельном торговом центре Даркана. Здесь сияло все – бриллианты в ювелирных магазинах, бриллианты на платьях в дизайнерских магазинах мод, бриллианты на сумочках, бриллианты на ошейниках для домашних животных, бриллианты на туфельках... Ближайшая пара босоножек на витрине стояла примерно семь моих годовых зарплат, потому что и на ней были во все не стразы – вампиры всегда выбирают лучшее, вампиры всегда предпочитают бриллианты.

А еще вампиры вне закона человеческой юрисдикции. Даже когда в их личном магазине обнаруживают убитую девушку.

Вспышки фотокамер ослепляли, криминалисты старались запечатлеть каждую деталь, каждый предмет, каждую капельку крови, обнаружившуюся на полу, а я... у меня была достаточно сложная задача – следователь-стажер, без права задавать вопросы расе высших.

– Итак, неизвестная девушка зашла вчера к вам перед закрытием, я правильно поняла?

Вампирша напротив издевательски оскалилась, глядя на меня со смесью презрения, высокомерия и откровенной насмешки. Она, как и я, прекрасно знала, что я не имею никакого права задавать ей вопросы. Я была слишком ничтожна для нее. Несмотря на статус полицейского-стажера. Иногда я подумываю о том, чтобы присоединиться к партии «Долой вампиров», а может даже «Уничтожь вампира, сделай мир лучше». Несомненно, вторая партия уже давно была запрещена, пропаганда в целом вещала, что вампир лучший друг человека и все такое, но... втихаря мы в полиции прикрывали членов движения сопротивления как могли. Из идеологических соображений. И потому что присоединиться к тотальному уничтожению вампиров хотел каждый, кто имел несчастье пообщаться с данной расой немного ближе, чем гораздо более везучая часть населения, видевшая вампиров только по визору.

– В магазине находился кто-нибудь еще кроме вас? – попыталась я продолжить то, что по факту так и не начиналось.

Усмешка вампирши стала еще более издевательской.

И вот, честно говоря, пока она не скалилась вот так, демонстрируя весь свой паскудный характер, ее даже можно было назвать красивой – высокая, с идеальной стройной фигурой, длинными тонкими пальцами и маникюром сверкающим не блесками – бриллиантами. Бриллианты украшали ее идеально уложенные сегодня золотые волосы, бриллианты сверкали в ушах, бриллианты сияли на ожерелье, опоясывающем шею, не имевшую вообще никаких морщин и прочих признаков возраста, хотя по документам Ивгене Женьер было сто семьдесят.

И я об этом знала. Знала и о том, что любые психологические приемы по отношению к вампирам запрещены, но... откровенно говоря, я не удержалась.

– Простите, – улыбнулась максимально вежливо, – я понимаю, вы, возможно, забыли о событиях вчерашнего вечера, все же ваш возраст явно сказывается...

В следующий миг эта тварь кинулась на меня. Оскалившись, частично трансформируясь, и явственно желая впиться если не клыками в шею, то когтями в лицо точно, но я все-таки не

обычная девушка, которая накануне стала жертвой явно конкретно вот ее кровожадности, а потому едва вампирша кинулась на меня, в ее лоб уперся мой любимый ИКР-13.

И чудище застыло, медленно втягивая клыки и тяжело дыша.

Вспышки фотокамер прекратились, появилось ощущение, что все даже дышать перестали. Проблема в том, что от кровавой расправы меня не смог бы спасти никто из присутствующих. Полицейским стрелять в вампиров можно было лишь в одном случае – при прямой угрозе жизни.

– Лейтенант, – окликнул меня капитан Маер.

– Все в порядке, – произнесла я, все так же держа палец на спусковом крючке.

На самом деле Маер подставил меня и подставил намеренно. Мужчина средних лет едва ли желал быть облитым презрением с головы до ног, так что «допрашивать» «свидетеля» отправили меня. Свежее мясо в расход, так это у нас называлось.

– Уберрриссссс! – потребовала вампирша. – И убирайсссса!

И если по поводу оружия я могла проигнорировать ее требование, то вот второе игнорировать было нельзя. Закон, мать его.

Все так же держа ИКР-13 взведенным, я медленно вышла спиной вперед, потому как напасть вампирша могла и со спины. И тут уже вопрос – успеют выстрелить в нее парализатором, или нет. И если успеют – как быстро он подействует? В смысле до того, как она превратит мое горло в клочья, или уже после?

И лишь выйдя в галерею и проследив за тем, как закрылась дверь, отрезая меня от невменяемой кровопийцы, я поняла, насколько испугалась. Руки дрожали. Невыразимо хотелось пить. И очень страшно становилось от того, что уже начался рабочий день, то есть сейчас в торговый центр входили все новые, новые и новые вампиры. В основном, конечно, вампирши, но легче от этого мне не стало.

Меня безумно поражало то, насколько мы, простые люди, по факту беззащитны перед сильными мира сего. Жуткое ощущение. Страшное. Когда понимаешь, что лучшее, что с тобой может произойти – это просто никогда не пересекаться с вампирами. Не писать ничего плохого о вампирах в сети, потому что не знаешь, в какой момент постучат даже не в двери – в окно, и твоя жизнь оборвется, вызвав лишь оттенок любопытства у и так запуганных соседей. Никогда не переходить дорогу вампирскому кортежу, потому что переедут не глядя. Никогда не сталкиваться с вампирами нигде. Промолчать, опустив голову и стараясь ничем не задеть вампирские чувства, если вдруг каким-то образом оказался рядом. Мы жили в страхе. Мы замалчивали любые известные нам факты вампирского произвола. Нам просто хотелось жить. Всем нам, потому что в отличие от вампиров мы бессмертием не обладали.

Опустив голову и стараясь не встречаться взглядом с красивыми, дьявольски красивыми вампиршами, я прошла до конца галереи, спустилась вниз по эскалатору, естественно уступив тем, кто шел на пять шагов позади меня, но... таковы правила. Мы, люди, уступаем. Всегда.

Выслушать нелюбезные высказывания и насмешку над моими неухоженными волосами, ногтями, частью нервно обгрызенными и лицом, на котором не было маски идеального макияжа... я, кажется, едва ли успела умыться сегодня – нас подняли по звонку в четыре утра.

И уже после, спустившись вниз, пройдя быстро по сверкающему звенящему фонтанами холлу, сбежать вниз по ступеням и сесть в полицейскую машину. Я чувствовала себя безопасно только здесь – в бронированном пуленепробиваемом автомобиле, забившись в угол и сжимая свой пистолет в кобуре. Меня трясло.

– Лейтенантик, – сержант Нактон, – жива?

– Частично, – потянувшись и достав бутылку с водой, ответила я.

Сержант был за рулем, в торговый центр он с нами не поднимался, остался так сказать «держат связь с начальством». Хотя я бы сказала иначе – струсил. Просто струсил.

– Какова твоя версия? – жуя булку с сосиской и маслом, поинтересовался он.

Нактон зверски чавкал, когда ел, это бесило настолько, что пятидесятилетний сержант потерял уже четвертую жену... Впрочем, может все дело в характере, кто знает. Но меня лично он бесил, остальных тоже. Поэтому при капитане Маере он не ел, а я... ну я просто никто практически, посему меня сержант не стеснялся.

– Версия? – я глянула на торговый центр. – Все как всегда, видимо. Перед закрытием ТЦ «Сияние» в него залетел очередной мотылек, привлеченный всем вот этим... сиянием. Ивгена Женьер пригласила ее в свой бутик... Внезапно отключились просто таки все камеры наблюдения в обувном магазине и оп – мотылька уже съели. Косвенных улик полно, но...

– Но косвенными уликами вампиров не прижмешь, – усмехнулся сержант.

– Именно, – мне было горько.

О том, что произойдет дальше, я знала. Знала почти со сто процентной вероятностью – дело закроют. Сейчас прискачут ВСБ, вампирская служба безопасности, заберут дело себе, потому как... ну потому как все улики только косвенные, это официальная версия, неофициальная – потому что им все можно. Полная безнаказанность... Вероятнее всего девушку объявят неопознанной, соответственно где-то кто-то еще «пропадет без вести». И это будет унылый висяк в каком-то полицейском участке, а все что остается нашему – иметь висяк по поводу убийства неопознанной девушки. Висяк, раскрыть который нет никакой надежды, но и закрыть дело закон не позволит.

А девушка...

В лучшем случае ее родителей или близких заткнут деньгами, в худшем... просто заткнут.

И о таких ситуациях мы тоже знали – порой вырезали целые семьи. Вырезали и уничтожали, а нам... все что оставалось нам, это еще один висяк, потому что «нету тела, нету дела». Когда-то я хотела стать полицейским, чтобы помогать людям, чтобы сделать этот мир лучше, чтобы сажать преступников... а в итоге у меня такое чувство, что мы занимаемся лишь тем, что прикрываем этих самых преступников. И мы не делаем мир лучше – мы просто способствуем тому, что мир остается в неведении относительно истинной природы вампиров.

В этот момент над панелью полицейской машины алым вспыхнуло экстренное оповещение:

«Внимание. Улица Валианта. Дом 3889, квартира 47. Судебное решение – смертельный приговор. Приговор привести в исполнение немедленно».

Я вздрогнула.

Сержант повернулся ко мне, с открытым ртом, в который не успел запихнуть очередной кусок булки. Кто жил по указанному адресу – знали мы оба. Знали отлично. Но пока сержант сидел в ступоре, я уже набирала номер.

На вызов ответили мгновенно, и на том конце раздался сонный голос Майкла:

– Чё?

– Вали. Быстро.

В трубке повисло молчание, затем Майкл сипло произнес:

– У меня жена повезла ребенка в садик.

Черт! Черт! Черт!

– Адрес садика. Фото жены. Быстро.

Я выскакивала из полицейской машины на ходу срывая с себя мундир и фуражку. Действовать нужно было быстро, очень быстро, потому что семью повстанцев, вампиры неизменно использовали как самый надежный из рычагов воздействия. И как бы сильно ты не был прав в своей ненависти к вампирам, ты забудешь обо всей своей идеологии и братьях по мировоззрениям, когда твою жену на твоих глазах изнасилуют, или ребенка медленно выпьют. У вампиров нет жалости. У вампиров нет сочувствия. У вампиров, мне кажется, вообще нет чувств.

А у нас есть. От того полиция и поддерживает оппозицию. Тайно, осторожно, стараясь не высовываться, но неизменно.

Я выскочила на проспект, остановила попутку не глядя, рухнула на переднее сиденье, пытаюсь разобрать адрес, который Майкл не стал писать – просто криво сфотографировал пришедший садиком чек.

И вдруг поняла, что что-то не так.

Кресло, в которое я уселась – было удобным. Слишком удобным. Безумно удобным... Сердце пропустило удар. Взгляд нервно скользнул по обивке, затем по вставкам из красного дерева на дверце автомобиля, очень осторожно я посмотрела на приборную панель и уже не рискнула смотреть на водителя. Вляпалась!

– Ммм, куда едем? – насмешливо поинтересовался вампир.

Абсолютно точно вампир. Низкий пробирающийся голос, чуть вкрадчивый, основательно располагающий. Голос хищника. Голос, на обладателя которого хотелось посмотреть. Хотелось, но явно не следовало.

– Простите, ошиблась машиной, – нервно выдавила я, и попыталась открыть дверь.

Щелчок замка. Выйти мне не позволили.

– Иногда, то, что кажется нам ошибкой, вполне может стать знаком судьбы, – произнес вампир.

Философ хренов!

Дышать. Просто дышать. Четыре вдоха через нос, четыре выдоха ртом. С каждым днем я становлюсь все спокойнее и спокойнее. Я очень спокойна. Я сейчас само спокойствие.

– Откройте, пожалуйста, дверь, – глядя четко перед собой, произнесла я.

Усмешка, едва слышная, но у меня сейчас было настолько обостренное состояние, что я слышала все – даже биение своего сердца, и полное отсутствие этого органа у него. В смысле теоретически у вампиров сердце было, фактически – это едва ли проявлялось хоть в чем-то.

– Зачем? – все так же издевательски поинтересовался вампир.

– Я спешу, – выдала первое, что, как мне казалось, повлияет на него.

Ошиблась.

– Это заметно, – произнес вампир, – именно поэтому я начал наш разговор с вопроса «куда едем»?

– Пожалуйста, откройте дверь, – спокойствие в моем голосе медленно, но верно сменялось охватившим меня напряжением.

– Адрес, – издевательски потребовал вампир.

На кону была судьба матери и ребенка. Я уже рванула к ним, значит остальным посвященным сержант Нактон даст отбой. Что делать?

– Пожалуйста, откройте дверь, – я еще не просила, но уже была на грани.

И тут вампир приказал:

– Посмотри на меня.

Хрен тебе! Учитывая отделку автомобиля и лежащую на руле сильную ладонь вампира с алым перстнем на безымянном пальце передо мной был князь. А некоторые из вампирских князей вполне способны читать мысли. Информация об этом засекречена, и скрывается весьма тщательно, но... мы помогаем движению сопротивления, они как могут, помогают нам, делясь вот такой вот закрытой инфой.

– Ну же, – потребовал внимания кровопийца.

Что делать? Что делать? Что делать?

Говорить о том, что я из полиции – нельзя. У князей идеальная память, рано или поздно всплывет информация о срыве захвата Майкла и его семьи, и князь мгновенно сложит логическую цепочку. Изобразить из себя простого обывателя – во-первых, никак, от меня сей-

час зависела жизнь двух человек, во-вторых, слишком опасно – есть нехилый шанс присоединиться к «без вести пропавшим».

Что делать? Что делать? Что делать?

В низу живота вдруг стрельнуло болью. Какой сегодня день месяца? Черт, только этого не хватало.

А впрочем...

И я повернулась к вампиру. У него было красивое лицо, хотя, глупо было ожидать иного при встрече с вампиром. Я скользнула взглядом загнанного зверя по хищным чертам, взглянула в черные с алым отблеском глаза и откровенно взмолилась:

– Пожалуйста, откройте дверь, я очень спешу.

Это вслух. А мысленно: «Месячные, как не вовремя. Я ему сейчас всю обивку испачкаю!»

– Не проблема, – отозвался вампир, задумчивая вглядываясь в мои глаза, – на кожаной обивке водонепроницаемое покрытие, кровь ему так же не вредит.

Черт!

– И-так, – медленно проговорил князь, – подбросить до аптеки?

Мгновенно опустив взгляд, прошептала:

– Да, если вас это не затруднит.

– Ничуть, – отозвался монстр. – Пристегнитесь.

И автомобиль рванул на такой скорости, что скрип шин и запах жженой резины ощутились даже в салоне.

Путь едва ли занял несколько минут, и уже вскоре шины вновь завизжали, но уже от стремительного торможения.

– Аптека, – произнес вампир, любезно открыв дверь.

– Сспасибо, – с трудом выговорила я, отстегиваясь.

– Не за что.

Я выскочила из машины, очень осторожно захлопнула дверь, и не поднимая головы умчалась в аптеку. Уже там, зайдя за стеллаж с предметами гигиены, осторожно выглянула в окно – черный автомобиль оставался там же.

На месте.

И, кажется, не собирался двигаться с места.

Черт!

И ругательство очень сильно захотелось повторить, когда оставив автомобиль прямо там, действительно, о каких законах парковки может идти речь, если вампиры в принципе не признают законы, князь вышел и направился в эту же аптеку, следом за мной.

– Девушка, вам помочь? – окликнула меня фармацевт.

– Дда, – я плавно отступила, – где у вас туалет?

Мне указали в направлении, которое едва ли имело для меня значение, потому что мне требовался не туалет, а служебный выход. Я нашла его предельно быстро, почти без труда взломала замок, и уже прикрывая дверь за собой, услышала вопрос вошедшего в аптеку вампира:

– Девушка. Только что зашла. Где она?

Я знала, куда ему укажут. Еще я знала, что у вампиров хватает благородства не беспокоить девушек в таких местах, в смысле во время всяческих природнообщательных действий, а так, что касается туалетов – половина расследуемых нами изнасилований, проходила именно там...

Выскользнув через служебный вход, я перебежала улицу, еще одну, свернула к станции метро, и резко сменив курс запрыгнула в такси неопределенной пассажироперевозочной фирмы, в смысле – нелегала, пытающегося мимикрировать под стандартное такси с целью заработка и по причине отсутствия рабочей визы. И, казалось бы – мы знали о них, и полиции в

принципе ничего не стоило прикрыть данную нелегальную деятельность, но проблема в том, что мы же чаще всего и пользовались их услугами – точно зная, что это никак и нигде не будет задокументировано.

– Улица Верди, дом 44578, – отчеканила я адрес.

Таксист молча посмотрел на меня через окно заднего вида. Я молча отодвинула край джинсовки, демонстрируя торчащую в кармане корочку. Мужик без вопросов завел мотор.

– Гони, – попросила я, глянув на время.

– Так видеокамеры же, – произнес он.

– Прикрою.

И мотор взревел.

Мы промчались через половину города на бешеной скорости, дворами, закоулками, и даже по встречке, все что угодно, только бы успеть. И мы успели – Нита с сыном как раз подходили к своему автомобилю.

– Подрезай, – приказала я таксисту.

– Этих двоих? – уточнил он.

– Да, – я напряженно всматривалась в другой конец улицы – оттуда почти беззвучно мчались два черных болида. Вампиры. – Подрежь ее. Основательно.

Таксист глянул на меня, уже осознав, во что ввязался, но... у него выбора не было, а ссориться с полицией то еще удовольствие. Скрип тормозов, звук удара, и мать, в последний момент оттолкнувшая сына, упала на асфальт от удара.

Почти сразу рядом завоняло женой резиной от двух остановившихся автомобилей, но прежде чем они успели вмешаться, я уже выскочила.

– Девушка! Девушка, как вы?

Подхватить плачущего ребенка, закинуть в такси так быстро, что затянутые в черные костюмы всбэровцы не успели ничего сделать.

– У ребенка повреждения, – я орала и истерика, одновременно помогая подняться мгновенно забывшей о собственном пострадавшем бедре матери, – в больницу. Срочно. Надеюсь не сотрясение. Простите! Простите меня! Мне так жаль.

Подхватить сумку одновременно забрасывая в нее выпавшие ключи и кошелек.

– Простите, – я обернулась к застывшим вампирам, – я не местная. Вы не знаете, где ближайшая больница?! Ребенок умирает!

Всбэровцы оторопели. Их можно было понять: при подобных операциях руководство ставит перед ними одну задачу – доставить людей без повреждений. Это говорит явно не в пользу простых вампиров, которые срываются на людях, потому что даже их бесит вседозволенность и привилегий их правящего класса, но в то же время это была единственная возможность для меня, вытащить семью Майкла. Потому что этим проще было доложить, что не нашли, чем доставить женщину с мертвым ребенком – за такое им и самим могли запросто оторвать голову, прецеденты случались.

– Больница? Знаю, девушка, прыгайте, тут за углом травмпункт! – включился в игру водитель.

В салоне Нени уже прижимала к себе совершенно невредимого ребенка, но нервы, стресс, ситуация ее собственная боль от повреждений, в итоге вопли: «Маленький мой! Мой мальчик!» были отличным способом уверить вампиров, что речь идет о жизни и смерти.

И запрыгнув в машину, я крикнула:

– Быстрее! Пожалуйста быстрее!

Мы сорвались с места, причем чтобы объехать болиды вампиров, водителю пришлось промчаться по тротуару, к счастью привлеченные событиями мамы с детьми проявили бдительность, и освободили путь для маневров.

А мы мчались. Быстро. Очень быстро.

– Ттак подождите, – вскинулась Нени когда водитель вдавил педаль газа до упора, едва мы выехали за угол, – травмпункт же здесь!

Мужик лишь мрачно глянул на нее через все то же единственное средство визуального общения – зеркало заднего вида. Растерянная мать, до которой дошел факт неповрежденности ребенка, и в то же время поврежденности ее самой, повернулась ко мне.

– Свяжите появление вампиров и мое своевременное прибытие, – очень тихо сказала я.

Она побледнела. Побледнела настолько, что стало заметно, насколько посинели ее губы под слоем полупрозрачной помады.

– Я просила Майка не выкладывать эту запись в сеть, – почему-то попыталась оправдаться она.

Что я могла сказать? Да, глупо. С одной стороны. С другой стороны видео с камеры наблюдения в одном из элитных клубов очень показательно демонстрировало, на что способна вампирская золотая молодежь. И, боюсь, я уже давно была на стороне тех, кто считал – что народ должен знать. Должен понимать, что такое эти вампирские подонки. Должен быть в курсе своей незащитности. А народ... спал, пребывая в блаженном неведении. Впрочем, если бы был шанс остаться в неведении... возможно, я бы выбрала его.

– На восток, к выезду из города, – скомандовала я таксисту.

Он гнал.

Гнал до ближайшего гаража, где выскочив, быстро сменил номера на машине, а после снова была гонка. И я старалась не слышать, как всхлипывает перепуганная молодая мать, у которой теперь никогда не будет нормальной жизни... потому что страх остается. Мы можем помочь, спасти вот так в последний миг, можем даже вывести из полицейского участка, списав на акт раздолбайства, за которое нас вампиры с одной стороны ненавидели, с другой считали недоумками. Мы пользовались. Когда надо выживать, назовешься и идиотом, и дебилом, и ленивой продажной тварью. Это мелочи. Не мелочи – возможность спасти хоть кого-то. Спасти жизнь. От страха спасения нет. Все проходит, а страх остается. Страх оседает решетками на окнах, тремя бронированными дверями, постоянным оглядыванием назад в страхе увидеть вампира за спиной. Страх... он уже навсегда.

И сообщение на мой телефон:

«Птица вылетела».

И я поняла, что все это время едва дышала, а сейчас выдохнула с облегчением.

– Спасли, – тихо сказала Нени.

С ее ресниц сорвались слезы.

– Не пугайте ребенка, все будет хорошо, – солгала я.

Не будет. Но, по крайней мере, останетесь живы.

За городом нас ждала машина. Старая, черная, сильно тонированная, с полустертými номерами. Майк не выходил, но я поняла, что он там, едва с его номера пришло:

«Спасибо».

Нени с ребенком пересели, я, окликнув ее вернула сумку, предварительно забрав все кредитные карточки из кошелька. Она стояла и смотрела, как я ее практически граблю, но, как и я понимала, к сожалению, это необходимая мера. С водителем такси расплатился друг Майка, заплатил много, в десять раз больше того, что выскочило на счетчике. Попытался было сунуть и мне пачку денег, но я не пересчитывая передала таксисту. Заслужил.

– Ссспасибо, – нервно произнес сопротивленец, натягивая кепку еще сильнее, хотя казалось бы сильнее уже некуда.

– Не за что, – сухо ответила я.

По идее, на этом разговор должен был бы завершиться. Но Айсвел вцепился в меня как клещ со стажем, и торопливо продолжил:

– А почему своим ходом вернулись? Капитан Маер с группой уже час как на рабочем месте. Где вы были?

– Занималась оперативно-разыскной деятельностью, – ответила шаблонной фразой.

И тут к счастью капитана, и несчастью моему, рыдающая вампирша развернулась и узрев во мне женщину, решила вспомнить о такой мифической вещи, как женская солидарность.

– Вы же женщина! – возопила она.

То грустное чувство, когда в двадцать два тебя уже называют «женщина». То ли я настолько паршиво выгляжу, то ли пора признать, что работа в полиции это повод состариться значительно быстрее. К слову назвать вампиршу женщиной у меня бы язык не повернулся – тоненькая, изумительно красивая даже в слезах, явно молодая, потому как на морде лица характер еще не оставил свою печать, с копной густых каштановых волос до пояса, огромными карими с привычным для этой расы красноватым оттенком глазами, огромными ресницами, пухлыми губами, румянцем на щеках. Ну... будем объективны, в сравнении с ней меня даже женщиной называть было как-то совестно, какая из меня вообще женщина, когда есть вот такие богини?

Но вампирша почему-то решила иначе.

– Вы же тоже женщина! – возопила она.

– Ну... не будем делать скоропалительных выводов, – нервно пробормотала я и вообще уже сильно жалела, что зашла и теперь искала повод осторожненько ретироваться.

Вампирша вскинула брови, потрясенно глядя на меня, и удивленно спросила:

– Вы... мальчик?

Да, удар по моей самооценке был сокрушительным.

– Не уверена, что мой гендер имеет какое-либо значение, – я сделала осторожный шаг назад.

– Значит девочка! – торжествующе возопила та, кто только что последовательно обозвал меня сначала женщиной, а после и мальчиком.

И, к сожалению, это было только начало.

– Тогда вы должны понять меня! – она плавно встала на колени.

– Ээм, – пол у нас хрен его знает, когда мыли, – гражданочка, встаньте, пожалуйста.

Нервно попросила я.

Но увы, спектакль плавно приближался к своему апофеозу:

– У меня трагедия всей жизни! – вампирша заломила руки, красоте которой могли позавидовать все и скопом. И добила мое чувство, логики проорав: – Я ВЫХОЖУ ЗАМУЖ!!!

В голове зазвенело. Прочистив ухо, я с тоской посмотрела на нее и произнесла стандартное:

– Счастья, здоровья.

Она вытаращилась на меня с таким выражением лица, как будто я ей только что пожелала «Земля тебе пухом» или «Покойся с миром». Даже неудобно как-то стало. Особенно когда с ее ресниц сорвались слезы и прочертили дорожки по щекам, чтобы в итоге сорваться вниз и остаться двумя кляксами на давно не мытом полу.

Почувствовала себя сволочью.

– Послушайте, может чай? – предложила на свою голову.

– Да-да, конечно, – капитан Айсвел подскочил как молодой сервал, наплевав и на свой возраст и на крайне избыточный вес, – Каи, в смысле лейтенант Мэттланд, присаживайтесь, я все сейчас. Я сейчас! Садитесь...

И он свалил в закат, сдвинув меня с пути таким образом, что я вместо того, чтобы переместиться в сторону, оказалась в кабинете, причем мне придали ускорения так, что я едва носом в пол не улетела, а после... после за моей спиной эпически захлопнулась дверь!

Я не сразу поняла всю глубину подставы, осознание настигло едва девица вытерла слезы, встала, прошла к стулу расположенному напротив стола, села, указала мне на соседний и величественно произнесла:

– Присаживайтесь.

Так как путешествовала я без мундира и джинсовки, то рубашку пришлось застегнуть и заправить, чтобы не было видно кобуры под ней, и вот теперь я сильно пожалела об этом, потому как сейчас достать пистолет быстро не получилось бы, а чувство незащитности вовсе не то, что я люблю испытывать.

– Сядь! – уже практически прорычала вампирша.

Но молоденькая. Совсем. Потому что даже при рыке ее челюсть не трансформировалась, а клыки не вылезли... с возрастом они как-то больше соответствуют своей внутренней сути.

В общем... я осталась стоять на месте. Вампиршу это не остановило.

– Смотри, – она достала телефон из сумочки.

Сверхсовременный гаджет, обладал функцией галаграфического экрана, а потому когда она включила видео, я все увидела отчетливо даже с расстояния. Это была та самая съемка с камеры внешнего наблюдения, которую ночью выложил в сеть Майк. Выложил через даркнет, предприняв все возможное, для того чтобы скрыть информацию собственно о выложившем, но даже хакеры-гении существенно уступали программерам вампирских кланов – его отследили, а запись уже стерли отовсюду, включая файлообменники. Удивительно, что она сохранилась у этой вампирши. Да еще и в превосходном качестве. На слитом видео едва ли можно было разглядеть лица подонков, последовательно растоптавших и уничтоживших две человеческие жизни, на этой записи видно было все.

Абсолютно все. Гораздо больше того, что я в принципе хотела бы увидеть. Парень и девушка. Мы не знали кто они и откуда. Мы не знали, что произошло. Все что показывала камера – эти двое бегут, держась за руки. Девушка несколько раз чуть не падает, парень поддерживает и тянет за собой. Возможно, без нее у него был бы шанс, но видимо девушка была для него важнее жизни. И собственно жизнь и стала ценой его промедления.

Их настигли. Сначала последовательно избивали парня, ломая кости, выбивая зубы. Девушка, которую удерживал один из вампиров, рвалась и кричала, но силы были не равны. А после наступил и вовсе ужас – они принялись за нее. Посадив искалеченного парня так, чтобы он, истекая кровью, видел все.

На этом моменте я отвернулась. Знала уже, что будет дальше, и не хотела... Просто не хотела. Я и первый раз посмотрела на перемотке, а чтобы вот так... с подробностями.

– Ну что же вы, вы же полицейский, – ядовито прокомментировала мою слабость вампирша.

Я посмотрела на нее.

И сама не верю, что подумала об этом – но там, в ее глазах с красноватым отблеском, вместо насмешки плескалась боль, и отражался страх.

– Вы знаете, кто это? – шепотом спросила она, остановив запись так, чтобы отчетливо было видно лицо первого из насильников. – Знаете кто?..

Ее голос сорвался.

Я не хотела знать. Правда. Лицо этого вампира отчасти показалось мне знакомым, да, но... я не хотела знать, как бы малодушно это не прозвучало.

И вампирша, словно поняв мое состояние, поняв, что я сейчас просто уйду, очень тихо сказала:

– Это тот, кто на закате станет моим мужем, князь Валиант Даркан. Как вы думаете, вот после всего этого, я смогу лечь с ним в одну постель?

И я снова посмотрела на вампиршу. Боже, совсем ребенок по меркам их расы. Возможно, даже младше меня.

– А вы знаете, – уже совсем тихо, продолжила она, – какой по счету женой я у него буду? Я... понятия не имела.

– Девятой, – прошептала вампирша.

Странная мысль мелькнула в моем шокированном сознании, и я тут же спросила:

– У вас принято многоженство?

Она молча отрицательно мотнула головой. То есть, нет.

– Пожалуйста, – слезы снова потекли по прекрасному лицу, – пожалуйста, помогите мне. Свадьба на закате, все, что мне нужно – спрятаться где-нибудь до ночи. Спрятаться там где не найдет, не достанет, не... Пожалуйста. Только одна ночь. Если меня не будет на закате, ему отдадут другую... – она осознала, что произнесла и мгновенно исправилась, – другой вариант.

И тут вдруг я вспомнила, что никогда не слышала о разводах у вампиров. Вообще никогда. То есть, если она девятая жена, значит все остальные... о, боже.

– Понимаете, – она заговорила, срываясь на шепот, – если меня спрячут мои родные, он их убьет. Такое не прощают. Понимаете? Я не могу воспользоваться помощью родных и друзей! Не могу! Я поставлю их под удар!

Она выключила видео, согнулась по полам, словно от невыразимой боли, и простонала:

– У него два варианта, я и леди Ивгена Женьер. Но она старше, и она... она сильнее, она...

И тут у меня в голове что-то сделало «щелк»!

Ивгена Женьер?! Та самая, что вчера убила девушку, а сегодня чуть не схотмачила меня?! Серьезно?! Карма, ты существуешь!

– Так, – я вдруг поняла, что, кажется, улыбаюсь. И вероятно оскал был не хуже, чем у леди Женьевер сегодня, когда я даже обвинение не могла ей предъявить, – конкретно, какие обстоятельства могут счесть форс-мажорными, что приведет к смене жертвы... эээ... в смысле варианта для брака князя Даркана?

Рыдающая вампирша мгновенно выпрямилась и потрясенно посмотрела на меня.

Я выразительно на нее.

– Вы мне... поможете? – кажется, она сама в это не верила.

– А почему бы собственно и нет? – произнесла я. – Телефон дайте.

Вампирша пугающе-стремительно поднялась, протянула мне гаджет. Я взяла телефон и пошла ломать шредер. Вообще шредер у нас был качественный, папки уничтожал как за здрасти, но на телефоне старичок заскрипел, надсадно засипел, и все-таки справившись с врагом, испустил дух, наполнив воздух запахом сожженных микросхем и пластика.

Именно в этот момент в кабинет с чашкой чая, кстати одной, вошел капитан Айсвел.

– У нас шредер сломался, досада такая, – уведомила я его и так об очевидном. – Кстати, вы знакомы с моей... эм... неизвестной девушкой, которую только что сбила машина?

Капитан оторопел, а потом уточнил у меня:

– То есть ты спрашиваешь меня, лейтенант, знаком ли я с этим трупом? Нет. Не знаком.

Я улыбнулась. Кэп достал из кармана фляжку с виски, вылил добрую порцию в чай, и прихлебывая таким образом ставший крайне успокаивающим напиток, добавил:

– К слову, трупам полагается находиться в морге.

– Поняла, оформим. – И, кивнув вампирше, я приказала: – За мной.

За час я оформила все. Протокол с места аварии, с указанием того, что «неизвестный скрылся с места преступления». Некоторую сложность составила подделка фотографий с места аварии – Мелисент лежала на полу, в красной краске, с растрепавшимися волосами и «непре-

менно прекрасным выражением мученической смерти на лице». Кадров десять испортила, прежде, чем окончательно психанув, не потребовала, чтобы она прекратила корчить рожи и умерла спокойно. В итоге мы справились, было потрачено два литра кровавой краски, мы ее обычно используем для допросов на месте, я пару раз свалилась со стула, потому как фотографировать надо было сверху, но в результате, пока довольная вампирша уплетала пончики с кофе, я продолжала подделку всего, что можно.

В общем, за час дело было сфабриковано со всем тщанием и таким образом, у меня в кабинете, поливая мой столовый кактус сидел труп, который по документам, в данный конкретный момент лежал в морге на другом конце нашего огромного города.

Тем временем я заказала пиццу, и с тоской проследила за тем, как Мелисент уминает ее за один присест. Тоску мою можно было понять – я тут на диетах переодически, а ей пончики, пицца, карамель со взбитыми сливками, и ничего.

– А я так всегда ем, – радостно сообщила мне Мелисент.

Она не вампирша, она ведьма.

А потом солнце неуклонно начало клониться к закату и... у нас начались проблемы.

Для начала в полицейском участке объявились ВСБ. Вампирская служба безопасности, поправ нашу юрисдикцию и вообще все, что только можно было, взломала нашу базу и обнаружила того самого «неизвестного который скрылся с места преступления в неизвестном направлении». Вообще, для максимальной правдивости, я использовала реальные кадры с аварией, в которой была сбита женщина переходившая улицу по пешеходному переходу. К слову, это был всяк. Это был всяк, который наши года четыре не могли раскрыть. Эти... раскрыли. За полчаса. Еще через час убийца, которому четыре года удавалось избегать наказания, сидел у нас в участке, избитый до состояния «один глаз уже не откроется» и «дантист тоже не поможет», тарабанил про аварию, сбитую девушку и... И тут мы прокололись. Ладно, не мы – а я. Ну частично я. Дело в том, что я из базы подобрала случай, когда по оценке оперативников имело место случайное убийство... мы лоханулись. Убийство случайным не было. Этот, беззубый и потому плохо понимаемый, все же донес до разъяренных вампиров ту крайне невыгодную для нас истину, что убитую он знал, охотился за ней, и потом даже сходил на похороны... И вот тут то кровососы выяснили, что дело было четыре года назад...

По счастью в этот момент в полицейском участке уже почти никого не осталось – ВСБэровцы выгнали всех, как только явились, так что присутствовали только капитан Айсвел, офицер ночной смены, ну и я... так как покинуть полицейский участок оставив Малисент дрожать в шкафу, было как-то не слишком хорошо.

Между тем накал событий нарастал.

Вампиры к тому времени уже добрались до морга пятнадцатого участка, перерыли его и... естественно труп не нашли. И если сначала у них была теория, что «девчонка притворилась мертвой и сбежала», от чего они прочесывали весь южный округ города, то когда вскрылась подстава с аварией... В общем до заката оставались считанные минуты, а Малисент хотела есть. Дико. Потому что безумно нервничала и уже сгрызла даже мой кактус.

Я тоже нервничала, поэтому невзначай шастала по участку за чаем, попутно прислушиваясь к происходящему. К слову – убийцу они добились. Ногами. От бешенства.

Вообще все случилось крайне внезапно – я как раз набрала себе еще чаю, и уже шла обратно, как вдруг эти взбесились. Тысячник, а у вампиров своя градация военных чинов, такой могучий в плечах, с залезанными назад и сильно напомаженными волосами, до того сидевший на кресле с видом вообще стороннего наблюдателя, вдруг получил звонок, выслушал, дал отбой, а потом... потом сорвался.

Одного удара хватило, чтобы проломить несчастному уже и так далекому от состояния целостности убийце всю грудную клетку, и мужик, упав, забился в агонии на полу, хрипя и подыхая. Следующим погиб стол! И еще один.

А потом тяжело дышавший вампир вдруг резко развернулся и посмотрел на меня. Прямо на меня. Багровыми полными бешенства зрачками!

И что-то теплое с перепугу потекло на пол...

– Я, – теперь все два десятка присутствующих ВСБэровцев уставились на меня, – я... кажется мне надо в туалет.

Только потом до меня дошло, что потекло не то, о чем я с перепугу подумала, а мой чай. И он продолжал течь, потому что руки у меня дрожали, и кажется, к первой луже вполне имелась вероятность добавления еще одной. Уже из того самого...

Потому что, кажется, меня собирались убить.

Кажется, вполне осознанно. А раз так, значит, этот тысячник уже был в курсе, кто вообще все вот это устроил, то есть убивать меня будут за дело. Впрочем, глупо, наверное, было рассчитывать, что эти не докопаются до сути.

– Ты... – прошипел вампирский тысячник.

Черт, значит точно в курсе...

Я поняла, что меня трясет, причем крупной и значит, вполне заметной дрожью, а еще... я не успею достать пистолет. А если и успею – этот тысячник, у него скорость запредельная, он от пули увернется вообще без затруднений, ну и плюс тут еще этих двадцать кровососущих особей. Мне конец.

– Яяя... – из чашки уже практически все вылилось, – я... мне правда в туалет нужно.

И тут эти все резко выпрямились, как на параде. И застыли, почти не дыша. И почему-то от этого вконец жутко стало, настолько жутко, что у меня, кажется, волосы зашевелились на макушке.

А потом вдруг до меня дошло – это не волосы шевелятся. Это на них дышат!

И подтверждением этого стал раздавшийся прямо у моего уха голос:

– Какая интересная девушка, ей всегда нужно в туалет...

И я узнала этот голос!

И голос, и с запозданием вспомнила. Лицо, которое я сегодня видела в черном автомобиле. Лицо, которое Малисент показала на видео... Я... хреновый полицейский, который сразу не соотнес имеющиеся данные! Я...

– У меня цистит, – сообщила я.

На миг на мои волосы дышать перестали.

Затем вампирский князь совершенно серьезно спросил:

– Цистит?

– Угу, воспаление мочевого пузыря. Профессиональная болезнь. Знаете, посидишь с мое в засадах, еще не то заработаешь.

– Да? – кажется вампирский князь искренне удивился.

– Угу, – подтвердила я, чувствуя, как чашка почти выскальзывает из моих ослабевших рук. – Вообще у нашей профессии много профессиональных болезней. Геморрой к примеру.

– Это тоже болезнь? – уточнил вампир, видимо вообще не разбирающийся в человеческих заболеваниях.

– Угу, – меня трясло, – это такое заболевание органов мозга.

– Мозга? – переспросил, кажется не такой уж и несведущий князь. – Мне казалось, эта болезнь присуща... эм... несколько иной части тела.

– Да? – я уже не знала что несу. – А вы поработаете в полиции и поверьте, ваше мнение существенно изменится.

– Хм... как интересно.

И у меня отобрали чашку, которая уже почти соскользнула с ладони, в стремлении покончить жизнь самоубийством, путем разбивания об пол. У меня на такое не было даже шанса.

– Так, вы идете? – спросил князь.

- Ккуда? – не поняла я.
- В туалет, – учтиво напомнили мне.
- У меня, что есть шанс?!

Я обернулась, потрясенно глянув на возвышающегося за мной вампира, потом на спасительный путь к туалету, потом...

Потом стало поздно. Потому что князь Даркан обратился к своему тысячнику:

- Навьен, этого полицейского урода нашли?

Затянутый в черную водолазку так, что я даже не знаю, как он дышал то, вампир с лютой ненавистью посмотрел на меня и произнес:

- Да.

– И где эта мразь? – голосом, от которого у меня уже не от дыхания, а действительно волосы зашевелились, спросил князь.

И все присутствующие посмотрели на меня. В смысле им даже не пришлось говорить где мразь, они просто на меня посмотрели так, что стало сразу ясно, кто именно тут собственно мразь. А даже я бы сказала, что маразота отменная... Кажется, туалет мне уже не светит. Вообще никогда. Как и чай. Как и...

И в этот момент меня взяли за руку. Мокрую от чая кстати, после чего повели к одному из оставшихся в живых столу, причем я перед трупом остановилась, а князь нет. Подхватив меня за талию, он равнодушно переступил убитого, и посадил меня на стол. У меня уже, кажется, даже зубы друг о друга стучали.

Движение, и встав между моими ногами так, что зубы стучать перестали, потому как это уже было даже не то чтобы неловко, а как-то в целом неприлично, пусть даже я и в брюках, но Даркана едва ли это волновало.

Не смущаясь ни присутствующих, ни весьма интимной позы, он взял меня за подбородок, заставляя запрокинуть лицо, пристально посмотрел мне в глаза и очень пугающе спросил:

- Где она?

Меня накрыло ощущение абсолютного ужаса. Я смотрела на вампирского князя с четким пониманием, что меня здесь и сейчас в лучшем случае убьют... В худшем, он повторит все то, что проделал с той девушкой на видео. Сначала он. Потом все его подчиненные. А после смерть уже перестанет пугать вовсе...

Вампир, явно считавший мои мысли, очень медленно сузил глаза, его губы превратились в две тонкие линии, на скулах проступили желваки.

– И-так, – по слогам проговорил он, – ты знаешь о случившемся. И все же, сделала все, чтобы прикрыть Малисент. Сколько тебе заплатили, девочка? И кто?!

- Мне никто не платил!

Это было первой мыслью, потому что я могла обвинить себя во многом, я не идеальна, но не в продажности точно!

- Та-а-ак, – тон вампирского князя стал холоднее градусов на сто.

И он произнес это слов так, что у меня по спине мороз прошелся, а зубы, кажется, застучали снова. И это спасло бы, возможно, в любом другом случае, потому что говорить сейчас я была не способна, говорить... но к моему искреннему сожалению, не мыслить. А мысли... они вырвались сами.

- Потому что вы чудовище!

Потому что мне стало ее жаль! Пусть она и вампирша, но даже она не заслуживает такой участи, как лечь в постель с насильником и убийцей!

- Но это мысли.

- А вслух я вдруг выдала:

– Подобное должно тянуться к подобному, так что Ивгена Женьер будет вам отличной партией, князь Даркан. Она такая же безжалостная и вконец оборзевшая от своей безнаказанности тварь, как и вы!

И зрачки вампира мгновенно сузились. Это было жутко. Это было так жутко, что от ужаса хотелось орать, но...

– Малисент в морге, – отчетливо проговорила я, нагло глядя в его глаза, – в каком именно – можете начинать искать. Но до заката осталось сколько там? Пять минут? Десять?

Отклонившись назад, глянула на часы и удовлетворенно уточнила:

– Семь!

После чего, вернувшись в исходное, пусть и вообще не приличное положение, выдохнула в лицо окаменевшего от бешенства вампира:

– Спешите. Как вы мне там сегодня сказали: «Иногда, то, что кажется нам ошибкой, вполне может стать знаком судьбы»? Так вот, вы были правы! Абсолютно точно правы! Ивгена Женьер ваша судьба! Два сапога пара и все такое. Будете радостно убивать вместе, у супругов же должно быть что-то общее, да? Вот, это оно!

И тут в участке раздалось неожиданно очень осторожное:

– Князь, не надо. Мы сами ее убьем. Сами. Кня...

– Зат-кнись! – прошипел этот самый князь, прожигая меня полным ненависти взглядом.

А я вот не поняла «не надо» это он про что? Если не надо насилловать, то я согласна. Я даже за «мы сами ее убьем», я...

– Сдохнуть хочешь? – очень нехорошим тоном переспросил вампир.

И он спросил это так, что я даже ответить ничего не смогла, напрочь скованная диким ужасом. Первобытным ужасом. Кошмаром, который наяву, оказался еще кошмарнее. И если можно испытывать страх в наивысшей его степени, то да, я его сейчас испытывала и да:

– Хочу. Если можно, убейте меня, пожалуйста, быстро и не мучительно. И без насилия. Я как-то в целом против насилия, и секса с вампирами особенно.

И в этот момент дверь в мой кабинет распахнулась! Она распахнулась и на пороге оказалась зареванная вампирша, с всклокоченными волосами и недогрызенным горшком от кактуса, ну потому что кактус она давно уже сгрызла. И этот бедный перепуганный ребенок, у которого вдруг оказалось чести и благородства больше, чем у всех вместе взятых вампиров, которых я знаю, дрожа и захлебываясь слезами, опустилась на колени и взмолилась:

– Пожалуйста, князь, не убивайте ее. Я... я не платила, я просто попросила, я не хотела, чтобы пострадал хоть кто-то... я думала, вы не тронете полицейских, я... не убивайте ее, пожалуйста. Я стану вашей женой, я сделаю все, что вы прикажете, я...

Он бросил на нее только взгляд. Всего один взгляд.

А потом все его внимание обрушилось исключительно на меня.

– Так ты против секса с вампирами? Интересно, почему?

Никогда не страдала зоофилией, а вы даже не звери, вы хуже. Потом вспомнила, что думать в его присутствии стоило крайне осмотрительно. Еще и ребенок этот зареванный, я про Малисент, хотя складывалось впечатление, что и тысячник, который Навьен тоже слегка в истерике, но меня его состояние не трогало. Меня вообще сейчас ничего не трогало, кроме этой кровососущей мрази и судьбы Малисент.

– Женитесь на Ивгене Женьер, пожалуйста. Учитывая все, что я знаю о ней и о вас, это будет очень удачный брак, у вас ведь реально так много общего.

Причем именно с Ивгеной Женьер, потому что такую благородную девочку как Малисент, этот урод не заслуживает точно... Черт, не думать! Не думать! Не...

И вдруг князь медленно наклонился к моему лицу, почти коснувшись моих губ, и прошипел:

– Значит я для тебя животное?

Хуже.

– А в плане секса?

Равнозначно.

Ой...

Черт!

Черт! Черт! Черт!

– Хотите я самоубьюсь? – нервно спросила у вконец озверевшего вампира.

Несколько секунд он смотрел на меня так, что казалось, сейчас скажет «Да», но надеждам не суждено было сбыться.

– Смерть, – прошипел вампир, – слишком легкое наказание. Ее еще нужно заслужить, девочка.

Движение руки вверх, и мою шею сжали очень умело, и очень правильно – не знаю, что ему было известно о человеческих болезнях, но можно было утверждать со всей категоричностью – человеческую анатомию он знал превосходно.

«Мразь!» – было моей последней мыслью перед тем, как я потеряла сознание.

– Нет, пожалуйста, нет!

Крик Малисент я услышала, уже проваливаясь вечную ночь.

Потом происходило странное.

Запах кожаной обивки нового автомобиля, резкий запах жженой резины...

Гул ревущего мотора...

Свет.

Яркий, почти ослепительный.

Шум голосов, почему-то свадебный марш...

Чей-то возмущенный возглас, и заглушающий все иные звуки хриплый рык:

– Начинайте!

И чей-то очень неуверенный:

– Этто ннневеста?

– А что? Не похожа?

И мне что-то нахлобучили на голову.

– Так лучше? – издевательский вопрос.

Пауза.

И еще более неуверенное.

– Ннневеста без сознания... нет-нет, не подумайте, я не осуждаю, но нужно ее согласие... нет? Не нужно? Ну, тогда хотя бы имя...

Невнятный лепет был прерван одним жестким ледяным:

– На-чи-най!

Именно в этот момент я открыла глаза.

Первым, что увидела, была... Ивгена Женьер. Она стояла в белом платье, со свадебным букетом в руках, свадебным маникюром и растрепанной прической. Внезапно поняла, что на моей голове не просто абстрактное «что-то», а фата с диадемой. Тяжелой. Но, судя по золотой кайме, которая повторялась на платье «невесты» эту фату только сняли собственно с нее – Ивгены Женьер. Сняли и нахлобучили на меня. И вот я в ужасе смотрю на вампиршу, которой под двести лет, а она медленно звереет до такой степени, что уже челюсть выдвигаться начала.

– У-пол-зла! – прошипел удерживающий меня ее идеальный кандидат для супружеского союза.

И ужас состоял в том, что Ивгена мгновенно свалила. В прямом смысле слова. Молча и быстро и куда-то в лево... на лево... куда-то туда!

– Стойте, – простонала я.

Но меня не слушали. Я в ужасе попыталась скинуть фату с головы, я попыталась хотя бы встать на ноги, но меня держали в полувисячем положении, крепко, сильно и абсолютно безразлично к моему мнению. Здесь всем было безразлично. Абсолютно всем. Вампиры сидели в вампирском храме с каменными выражениями на лицах, цветы и свадебные декорации разбавляли их постные выражение морд, музыка затихла, потому что их священник уже произносил что-то неразборчивое на латыни. Свечи стали гореть чуть менее ярко, а после и вовсе практически гаснуть, так что в какой-то момент, в круге света свечей, горящих в стоящих рядом с нами подсвечниках. Только я и этот... чья идеальная супруга уползла. И я... Я понять не могла, что это за херня происходит, но тут священник замолк и князь что-то ответил. На латыни... или чем-то похожем на нее. А после возникла пауза и ритуальщик все же сказал:

– Возможно, теперь, придя в сознание, невеста смо...

– Нет! – отрезал князь ледяным тоном. – Она низшая. Что-то вроде животных. Разве вам требуется согласие собаки, которую вы решили взять в свой дом?

Я оторопела. В голове шумело, в глазах роилась тысяча черных точек, диадема с фатой оказались зверски тяжелыми, но поднять голову и посмотреть на князя, я все же сумела. И он на мой потрясенный взгляд, ответил лишь издевательским:

– Я же сказал – смерть еще нужно заслужить, девочка. И да, как тебе быть замужем за зверем?

И на меня обрушился весь ужас моего положения!

Он, а после и оглушающая мелодия свадебного марша. Надеюсь, это все бред моего воспаленного сознания. Или без сознания. Может быть я уже умерла, а это все просто какой-то кошмар, предваряющий тоннель со светом и рай как минимум. Это же была мученическая смерть, да? Значит, мне полагается рай!

И тут ритуальщик еще что-то сказал.

И все вампиры захопалали и поднялись, все с теми же каменными выражениями на лицах. А князь Даркан наклонился к моим губам и прошептал:

– Добро пожаловать в ад.

На этом я снова потеряла сознание.

Меня разбудили слова, которые прозвучали крайне подозрительно с точки зрения правоохранительных органов:

– Я ее убью!

Убийство? Это уже серьезно.

– Я ее убью так, чтобы эта тварь мучилась до последнего вздоха!

Так, а это уже убийство с отягчающими.

– Я...

– Еще слово и я отрублю вам голову, – раздался спокойный и уже мужской голос.

Мгновенно послышался удаляющийся перестук каблуков.

Затем наступила тишина.

«Преступление откладывается» – меланхолично констатировал внутренний голос.

Я открыла глаза и села.

Первое, что заставило обратить на себя внимание – кровать. Она была роскошной и... полутораместной. Я бы сказала, что это как полторы больничных койки, если бы не шикарность данной мебели – отделку позолотой в медицинских учреждениях точно не практикуют. Нет в больницах и балдахин. А так же мебели из красного дерева, багряных ковров, черной росписи на темно-алых стенах, могильно-темных окон с кованными решетками...

Большого рассмотреть не удалось – что-то нещадно давило на голову. Подняв руку, ощутила диадему, после припомнила, что к этому каменному чуду присобачена была еще и фата, спустив руку чуть ниже, обнаружила и ее.

Когнитивный диссонанс привел меня в замешательство.

Полежав еще несколько секунд, я осторожно перевернулась на бок, и сползла на пол, в позе нинзи на выезде. С минуту посидела под прикрытием кровати, напряженно оглядываясь. Диадема давила все сильнее. Но затем я вспомнила, кому она принадлежала до меня, и нести эту ношу стало гораздо приятнее... приятности хватило еще на пару секунд.

После я попыталась избавиться от предмета роскоши, и поняла, что бриллиантовая сволочь села намертво!

Я тянула ее вверх, вбок, вправо, влево, назад, вперед – бриллиантовая гадина решительно отказывалась расставаться с моей головой без такой жертвы, как половина моих волос.

Осторожно поднявшись, я обошла комнату пугающего интерьера, обнаружила не зеркало – блестящую плитку над камином, и... впечатлилась диадемой. Бриллиантовая тварь была чуть ли не размером с мою голову, но эстетического удовольствия я не испытала – кроме красоты, данное изделие обладало еще и изрядным весом. Я начала всерьез опасаться за здоровье своей шеи.

И похоже, мне срочно требовалось подкрепление. В смысле помощь.

Помявшись еще немного перед камином, я двинулась к двери. Мне нужно было снять эту гадость. Желательно до того, как у меня начнет ломить спину, а шея и так уже ныла нещадно.

Подойдя к двери, я осторожно приоткрыла ее и... узрела абсолютную непроницаемую тьму за ней.

Совершеннейший беспросветный мрак.

Всепоглощающую темноту.

Могильным холодом даже пахнуло...

Меня замуровали под землей?! Захоронили заживо?! Оставили мучительно умирать от тяжести этой поганой диадемы?! Я сдохну здесь?

Паника начала захватывать основательно, но больше всего было перепуга по поводу того, что, кажется, эта диадема останется со мной навечно!

И тут в темноте прозвучало:

– Княгиня, вам запрещено покидать спальню князя.

Вздвогнув по началу, я обессилено прислонилась к дверному косяку и с облегчением выдохнула:

– Хух!

В темноте повисло недоуменное молчание. И меня это напугало гораздо больше, чем если бы там пусть даже князь Даркан стоял.

– Эй, – позвала несчастным голосом, – эй, тут есть хоть кто-нибудь?

Тишина.

В голову закралась нехорошая мысль, что возможно это просто автоматическое оповещение при открытии двери, да и голос был какой-то безжизненный.

– Хоть кто-то...

Тишина была мне ответом.

– Чччерт, я уже согласна даже на вампира, – вконец испугалась я.

И вот только тогда, из все той же темноты раздалось ехидное:

– Надо же, как быстро вы, однако передумали. Схожу, сообщу князю, что вы уже на все согласны.

И в кромешной тьме раздались удаляющиеся шаги.

– Стойте!!!

Мой вопль разнесся эхом, пугая меня размерами пространства за дверью, и вообще отбивая желание покидать данную комнату, но... но тиара.

Из темноты донеслось:

– Хм.

Из очень далекой темноты... очень-очень далекой...

– Ввернитесь, пожалуйста, – откровенно взмолилась я.

И звука шагов к моему облегчению вновь возобновился, но уже по направлению ко мне. Облегчение закончилось, едва вампир вышел на свет!

Это был Навьен. Тот самый тысячник, который убил убийцу одним ударом, нанес столам повреждения несовместимые с жизнью, и явственно желал избавиться и меня, от такого досадного момента как существование в этом мире. И да, судя по взгляду вампира – его позиция по отношению ко мне ничуть не изменилась, более того – лютой ненависти теперь стало на порядок больше.

У меня появилось желание сделать шаг назад и захлопнуть дверь. И появилось оно уже после того, как рука рефлекторно потянулась к кобуре под рубашкой и обнаружила, что моего любимого пистолета там уже нет.

– Что-то потеряли? – издевательски осведомился вампир.

– Скорее приобрела, – испуганно ответила я.

– И что же вы приобрели? – заинтересовался вампирский шкаф под два метра высотой.

– Ссстрах, ужжжас и жжжелание самоубиться, – прошептала, дрожа всем телом.

– Неплохой набор, – то ли похвалил, то ли поиздевался Навьен. – Что мешает воплотить самоубийственные желания в реальность?

Не в состоянии произнести ни слова, молча указала на тиару.

Вампир смерил меня уничтожительным взглядом и ехидно сообщил:

– Вам идет.

– Что-то мне подсказывает, что не очень, – промямлила я.

– Да? – интерес вампира приобрел живейшие нотки. – И что же именно вам это подсказывает?

– Боль в шее, например...

У вампирского тысячника медленно поползла вверх одна бровь. Левая. Над которой провился шрам, и это странно, потому что обычно на вампирах все заживает даже лучше, чем на собаках. Однако, сочувствия к ближним у них на порядок меньше, чем даже у зверей.

– И? – спросил Навьен.

Я постояла, разрываясь между чувством стыда и самоуважения, затем представила ту проплешину, что останется на моей голове, если я таки психану и вырву эту тиару с корнями... причем корнями моих волос, и самоуважение стремительно ретировалось.

– Ппомогите ее снять, пппожалуйста, – попросила я вампира.

Вампирюга хмыкнул и сообщил:

– Я бы с гораздо большим удовольствием свернул вам шею.

– Если честно, я бы вам тоже, – призналась в свою очередь.

Навьен молча оттянул воротник водолазки, демонстрируя весьма мускулистый орган подержания его сильно напوماженной головы. Да, его шея раз в пять была существеннее моей, но:

– Мечтать же не вредно, да?

Он повел плечом, выражая некоторую солидарность в данном вопросе.

У меня же возникло предложение:

– А давайте вы сначала снимите с меня тиару леди Ивгены Женьер, а потом мы уже продолжим совместно мечтать о взаимном непреодолимом желании между нами?

У вампира медленно приподнялись на сей раз обе брови.

– Как интересно, даже не знал, что между нами возможны столь непреодолимо желанные отношения, – сказано было с сарказмом. Но далее последовал вопрос: – С чего вы решили, что эта тиара принадлежит леди Ивгене Женьер?

– Полицейская интуиция, – гордо ответила я.

– У вашей интуиции явно тоже геморрой на весь головной мозг, – вампир издевательски улыбнулся.

Мне было не до улыбок, шея болела все сильнее и нестерпимее.

– Послушайте, – я уже начала придерживать это бриллиантовое орудие пыток, – я, конечно, была в полубессознательном состоянии, но я видела, с кого ее сняли. Или догадалась. В любом случае или вы мне поможете снять этот ужас, или шею мне свернет диадема, а ваши мечты останутся нереализованными.

– Да, это действительно достойный повод избавить вас от родовой тиары княжеского рода Даркан. Между прочим, этой диадеме две тысячи лет.

– Я бы с удовольствием еще две тысячи лет не знала бы о ее существовании!

Навьен укоризненно посмотрел на меня и произнес:

– Княгиня, вам следовало с гораздо большим уважением относиться к родовым реликвиям.

– Извините, – мои нервы начали сдавать, – но тут одно из двух, либо вы ее снимаете, либо эта штуковина оставит вас без княгини, а меня без скальпа!

Вампир скорбно вздохнул и произнес:

– Да, княгини без скальпа в нашем роду еще не было. Ладно, так и быть, помогу вам во имя сохранения надежды на скорую возможность свернуть вашу шею. Отодвиньтесь.

И отодвинув меня самостоятельно, Навьен для начала вошел, после закрыл дверь, затем прошел в мою комнатку с полутораместной кроватью, поискал стул, обнаружил, вытащил в середину комнаты и указал мне на предмет мебели. Делать было нечего. Я прошла и села.

Вампирский шкаф занял позицию за моей спиной.

И начал меня откровенно пытаться.

Пытки сопровождались моими возгласами.

– Аай!

– Больно!

– Да, вот так!

– Чуть осторожнее!

– Да, так лучше...

– Ооо, спасибо...

– Еще так, и так да, у вас замечательные руки, продолжайте...

– Ооо, дааа...

– Мммм, мне еще никогда не было так хорошо...

Мне действительно было так хорошо, как только может быть человеку, с головы которого, наконец, сняли херню весом килограмм пять, а то и все семь. Это было божественно. Это было настолько хорошо, что я даже забыла, что помощь мне оказывает вампир...

Ровно до того момента, как дверь распахнулась и на пороге показался вампир номер два!

И это был тот самый уродский князь, который мне эту самую херню на голову и нахлобучил!

– Вы! – прошипела я.

Князь Даркан на мое «Вы!» никак не отреагировал, сейчас он смотрел исключительно на тысячника, который, держа злополучную тиару, отшатнулся от меня шага на два, едва начальство распахнуло дверь с таким зверским выражением, что я всерьез заподозрила, что у этого вампира явные проблемы с управлением гневом.

И этот вот тысячник, бледнее так стремительно, что я даже подумала, а может не чистокровный он вампир, нервно выговорил:

– Я не тронул ее и пальцем.

Со стороны невменяемого князя расстался глухой полный ярости рык.

С моей стороны ярость тоже присутствовала, а потому я, подскочив, одной рукой отобрала двухтысячный раритет у Навьена, второй схватанула стул, подтащила его к озверевшему вампирскому князю, взобралась и нахлобучила диадему с фатой на Даркана.

– Держи, сволочь, наслаждайся! Или как ты там мне сказал, «Добро пожаловать в ад»? – прошипела я.

И спрыгнув со стула, я на всякий случай отошла подальше, оставив сам стул как хоть какую-то преграду, на пути монстра.

Монстр пребывал в ступоре секунды две, после прошипел что-то, схватился за тиару, хотя на мой личный взгляд ему очень шло и это скопление бриллиантов, и фата в целом, и попытался сорвать ее со своей головы.

Ключевое слово – попытался.

Князь рванул тиару раз... рванул второй раз... гнев на его лице медленно сменился бешенством... рванул третий раз! Я восторженно наслаждалась мучениями врага, Навьен смущенно переступил с ноги на ногу и произнес:

– Давайте помогу, князь, опыт уже имеется.

Черные глаза вампира сверкнули багровым отсветом.

– Я думаю, лучше оставить, – решила я, – все-таки кому как не князю носить родовой реликт целой двухтысячной давности!

Но вампиры решили иначе. Один взял стул, протащил его в центр комнаты и сел, второй принялся осторожно высвобождать пряди начальства из тисков родового реликта. Волосы у князя были куда как на порядок лучше моих, гладкие, ухоженные, послушные, а потому дело пошло куда быстрее, чем со мной, и уже через минуту, Даркан поднялся, с лютым бешенством глядя на меня.

– Так, все что угодно, только не эта тиара, – попросила я, осторожно отступая как можно дальше, и, к сожалению «дальше» было ограничено пространством комнаты.

Даркан разъяренно посмотрел на меня, потом на тиару в своей руке, снова на меня... очень пристально на меня...

– Мама... – прошептала я.

И взгляд князя изменился мгновенно. И взгляд, и выражение лица, на котором проскользнула настолько садистская усмешка, что я тут же поняла – сейчас не будет у меня мамы.

– Вввв смысле «папа»! – мгновенно исправилась я. – Вы знаете, так люблю своего папу! Мой самый любимый человек на свете! Самый дорогой! Самый важный! А с матерью у меня вообще отношения не очень...

Усмешка Даркана стала еще более жуткой, он сжал тиару, развернулся и вышел, оглушительно хлопнув дверью.

Я же не сдержала облегченного вздоха, и, отперевшись спиной о стену, чуть не сползла по ней вниз.

– Не ожидал, – произнес вдруг все так же стоящий в комнате Навьен. – Мне казалось, вы умнее. И человечнее.

И произнес он это с нескрываемым осуждением.

Я мрачно глянув на него, ответила:

– Вот кто бы говорил о человечности.

Не вампир точно, но Навьена это не остановило.

– Ваш отец и так в тюрьме. А после ваших слов, можете мне поверить, живым он оттуда уже не выйдет.

Я просто молча посмотрела на него. Молча и равнодушно.

Навьен, глянув на меня так, что стало сходу ясно – свернуть мою шею теперь стало его заветной мечтой, развернулся и вышел. В отличие от князя он хотя бы дверью не хлопнул, но едва вышел, из меня словно стержень вынули, и по стенке вниз я все-таки сползла, осев на пол.

В висках стучали слова вампира «Ваш отец и так в тюрьме. А после ваших слов, можете мне поверить, живым он оттуда уже не выйдет».

Мой отец...

Мой отец погиб в автокатастрофе, когда мне было пять. Его сбил неизвестный, скрывшийся с места преступления урод, и расследование не дало ничего. Мама после смерти отца начала угасать, из счастливой жизнерадостной женщины, она превратилась в полутруп, постоянно лежавший лицом к стене... целыми днями. Она вставала только чтобы пойти в полицейский участок, к следователю, чтобы узнать – кто убил моего папу.

Это было очень тяжелое время, но потом все стало хуже.

Намного хуже.

С моим отчимом мать познакомилась все там же, в полицейском участке. Его вели на допрос к тому самому следователю, к которому пришли и мы и сидели на скамье напротив двери. Бандюган, шестерка на побегушках у вампиров, он сразил мою мать хамоватой уверенностью, и тем, что сказал: «О, какая малАя забавная. Куколка, хочешь стану твоим папой?». Мне было пять лет, но уже тогда единственное чувство, которое вызвал этот человек, был ужас. Панический ужас. Я сердцем почувствовала, что это был очень плохой человек. А мать... в детстве я придумала для себя такую отговорку – мамино сердце умерло вместе с папой, поэтому она и не почувствовала ничего.

Его посадили. Убийство с отягчающими, должны были дать от пятнадцати, но вампиры... Отчим вышел через год, весь этот год переписываясь с моей матерью. Она как с ума сошла, жила этими письмами, перечитывала по сто раз на дню, и говорила, что «Каи, у тебя скоро будет папа».

Папа...

Этот «папа» присылал подарки только мне, и это насторожило бабушку, но не маму.

В день освобождения мы поехали встречать «моего нового папу». Я выдиралась, как могла, но «папа» прижимал и зацеловал меня, меня, а не маму! Сидя в машине на заднем сиденье, я вытирала слезы и пыталась стереть все поцелуи, а мама вела машину, что-то весело рассказывая отчиму, который почти всю дорогу не сводил с меня глаз.

Мне повезло, что бабушка забрала к себе в тот же день, заявив матери, что раз у нее теперь новый муж, то им как раз не помешает совместный медовый месяц, и ребенок будет только мешать, причем это же чужой ребенок, так что...

Чужой я перестала быть через месяц.

Странное дело, отчим не женился на моей матери, зато удочерил меня. В семь лет я шла в школу с новой фамилией. Но зато еще в шесть в секцию карате. Бабушки, и со стороны мамы и со стороны отца, оплачивали уроки как могли, обе, несмотря на преклонный возраст, взяли дополнительную работу и выбивались из сил, в попытке защитить меня хоть как-то, потому что мать... моя мать перестала быть собой. «Новый папа» не стал даже хорошим сожителем, он пропадал неделями и месяцами, менял любовниц, и затыкал матери рот тем, что семья без ребенка не полная, и он вернется только тогда, когда я буду дома.

В школу записал меня он, причем в ближайшую к дому, который купил максимально далеко от моих бабушек. Так что за день до школы мы с мамой переехали в новый дом.

Самый страшный день в моей жизни.

У меня было все – комната, мечта любой девочки, с платьями как у принцессы, с живым пони в конюшне, с кукольными домиками, и искренней «любовью» «нового папочки». Меня он обожал, не скрывая этого. Мать... даже не взглянул на нее, все было для меня – прислуга, подарки, украшения.

И сказки на ночь, с обязательным «отцовским поцелуем».

Меня поймали при попытке побега в первую же ночь. Охрана стоящая по периметру стены, окружающей дом. Отчим не ругал, о нет... нежно подхватил на руки вырывающуюся меня, и понес спатки... с обязательным поцелуем на ночь.

На следующий день я пошла в школу и сбежала.

Мне повезло – женщина социальный работник, к которой меня привели полицейские, остановившие шатающегося ночью по городу семилетнего ребенка, не стала ругать, воспитывать или говорить, что убежать из дома плохо. Она выслушала. Выслушала, и подняла дело отчима. Он оказался педофилом со стажем. С очень внушительным стажем из потерянных жизней маленьких девочек.

Отличие в моем случае оказалось лишь одно – меня он удочерил.

Дальше была борьба. Борьба за возможность жить с бабушками, несколько месяцев в кризисном центре вместе с бабушкой Лорой, когда мы проиграли очередной суд, школа урывками, и вечные слезы матери, которая кричала в трубку, что я ломаю ее жизнь, и отчим сказал, что выгонит ее, если я не вернусь.

Не вернулась. Меня к нему притащили, несмотря на все попытки к сопротивлению.

Жизнь стала адом.

За три года жизни с матерью он исчезал на недели и месяцы, но когда дома была я, он проводил там каждый день. Каждый долбаный день... Я училась как одержимая, на всех факультетах, бассейн, спорт, дополнительные занятия. Все что угодно, только бы не появляться «дома».

А потом – подслушанный разговор, мой звонок в полицию... отчим сел на два года.

Вышел бы быстро, как и в первый раз, но подтасовка фактов, и вампиры узнали о своей шестерке очень много нового. Отчиму пришлось продать свой шикарный дом и исчезнуть из моей жизни еще на несколько лет.

Его нездоровая любовь ко мне превратилась в ненависть, а мать... мать он продолжал ломать. Она приезжала к нему постоянно, возвращалась с синяками, но отказывалась прекращать все это безумие. Не жена, но мать его «единственного ребенка».

Мой «новый папа» вышел, когда мне было пятнадцать, но уже в четырнадцать я могла сама решать с кем буду жить. Так что снова купленный другой дом остался без «любимой и единственной дочери». Он отомстил – забрал мать к себе. Изменял ей открыто, избивал, и давил на все возможные рычаги, чтобы вернуть меня. И лазейку нашел быстро – у бабушки внезапно нашли наркотики. Она вышла за хлебом и не вернулась.

И все закончилось бы плохо, очень плохо, но отчим не знал одного – я уже давно сотрудничала с полицией. Бабушку отпустили, а я... военная школа закрытого типа стала новым убежищем для меня. Военная школа, и мечта – работать в полиции и сажать таких ублюдков как отчим, отрезая их от общества раз и навсегда.

В шестнадцать я получила паспорт и смогла вернуть себе свою фамилию – Мэттланд. Моя гордость, и моя победа. Жаль, что тот год обернулся потерями, сначала бабушка Лора, потом бабушка Мишель ушли в мир иной, оставляя меня практически полной сиротой. Мама... мама не появилась ни на одних, ни на вторых похоронах... ей было все равно. Меня она ненавидела, обвиняя в том, что отчима замели из-за меня, и, обзывая полицейской шавкой в лучшем случае, в худшем... было много других слов.

Но это не помешало ей заявиться на мое восемнадцатилетие с отчимом под руку. Счастливая, помолодевшая, радостная и... «папа» так и не утративший крайне сексуальный интерес к «дочери». Не знаю, каким педофилом он был, но видимо неправильным.

Через год отчим сел снова... за попытку изнасилования. А еще у него нашли наркотики. Много. Максимум из того, что мне смог выдать отдел по борьбе с наркоторговлей.

Когда его выводили из нового дома, я, несмотря на синяк в пол лица, сломанную руку и пару треснувших ребер, просто улыбалась. Даже не скрываясь. Вот это уже было гарантиро-

ванных пятнадцать лет, потому как в полиции на отчима навесили еще парочку дел, просто потому что – мы своих не сдаем.

Так что...

«Ваш отец и так в тюрьме. А после ваших слов, можете мне поверить, живым он оттуда уже не выйдет».

Это факт. Живым он оттуда уже не выйдет. Никогда. Потому что дело об убийстве мое отца я нашла, расследовала и раскрыла. Не скажу, что мне стало от этого легче, но настоящей болью было сообщить матери, что человек, к которому она продолжает мотаться в тюрьму на свидания, является именно тем, кто отнял у меня папу...

Дверь распахнулась без стука.

Вошел Навьен.

Вампир посмотрел на меня очень внимательно, усмехнулся и сообщил:

– Я так понимаю, реальной мстью было бы вытащить этого ублюдка из тюрьмы и оставить на свободе, так?

У меня дрогнуло сердце.

Вампир видимо что-то понял, усмехнулся, и продолжил:

– Но, я так же понимаю, живым ему оттуда выйти не грозит, да?

Я промолчала.

Навьен оперся плечом о дверной косяк, сложил руки на груди и продолжил:

– Странное дело, держали его в карцере столько лет, но один мой звонок, и мужика перевели в шестиместную камеру, сообщив сокамерникам статью по которой он сел. А вы ведь знаете, что с насильниками, особенно педофилами, делают в тюрьме, не так ли?

Улыбка... я ее не сдержала, да.

– Я так понимаю, – продолжил вампир, – до приезда моих сотрудников, ваш папочка еще и суицид успеет совершить?

Моя улыбка стала шире.

– Это вообще-то полицейский произвол, – произнес Навьен.

– Это вообще-то справедливость, – ответила я. И добавила: – Произволом было то, что вы, вампиры, прикрывали его столько лет.

Странно, но Навьен как-то странно посмотрел на меня, а затем произнес:

– Нет. Дом Даркана никогда не сотрудничал со Стивеном Фает.

– Ааа... а вы белые и пушистые, да? – у меня вдруг начали сдавать нервы. – К слову, вчера Ивгена Женьер убила девушку в принадлежащем ей обувном магазине. Мне интересно, это тоже никак не относится к дому Даркан? Просто странно, вы не находите, что убийца вдруг оказалась стоящей не за решеткой, а в наряде невесты и явно положительно отнеслась к подобной перспективе. Или, вот еще момент – потрясающе, но недавно в сеть слили видео, на котором избивают, калечат и насилуют, но... никого не посадили. А главный насильник, вы не поверите, князь Даркан! И мне вот интересно – дом Даркан и с ними тоже никогда не сотрудничал? Seriously?

Навьен странно глянул на меня, развернулся и вышел. Молча.

Я осталась сидеть на полу.

На самом деле мне было очень больно. До крика. Потому что я шла работать в полицию с наивной верой в то, что смогу защитить невинных и помочь обществу... я тогда просто еще не знала всей правды. О том, что закон писан не для всех и существуют те, кто давно и беззастенчиво пользуется своей абсолютной безнаказанностью, я узнала, только начав работать в полиции. Это было ударом.

И я уже даже как-то не удивлялась высокому проценту самоубийств среди полицейских – невозможно жить, зная обо всем этом. Невозможно, прикрывать дела вампиров, раз за разом наступая на горло своей совести. Единственный выход – хоть как-то пытаться прикрыть заго-

воршиков, это немного гасило чувство собственной беспомощности, и осознание абсолютной безысходности.

На полу я просидела еще некоторое время, потом решила, что нужно что-то делать. Неопределенность в целом как-то напрягала.

Поднявшись, я подошла к двери, открыла, скорбно вздохнула, встретив все ту же абсолютную беспросветную тьму, и спросила:

– Навьен, меня тут еще долго будут держать?

Темнота хмыкнула и оставила меня без ответа.

– Слушайте, это уже не смешно. Мне домой нужно.

– Угу, и в туалет тоже, – издевательски поддакнул Навьен.

Постояла, сдерживая желание ответить колкостью, и начала давить на жалость:

– Меня дома ждут.

– Кто? – усмехнулся вампир. – Кактус?

– Да! – мгновенно оживилась я. – Между прочим, его нужно поливать, он без меня погибнет!

Навьен вдруг заржал, ну не то чтобы как лошадь, но примерно так же, и произнес:

– Княгиня, спите спокойно – ваш кактус уже сгрызли. Насколько я помню, леди Малисент и горшок понадкусывать успела.

– Она нервничала! – мгновенно вступилась я за вампиршу.

– В любом случае, смиритесь, кактуса у вас уже нет, вас больше никто не ждет, – подытожил вампир.

А мне вдруг стало жалко кактуса. Мы с ним пять лет были вместе. Он себе перманентно рос, я перманентно забывала его поливать, а когда вспоминала, поливала обычно остывшим чаем. Но мы провели вместе лучшие годы моей жизни!

– Можем устроить похороны, – неожиданно предложил Навьен.

– Кого? Кактуса? – не поняла я.

– Горшка. Боюсь, вы едва ли захотите увидеть то, что осталось от кактуса. Но, если это для вас так важно, дом Даркана потребует от леди Малисент... хм... останки.

Скотина кровососущая!

Я захлопнула дверь, после в бешенстве еще и ударила по ней. Постояла, открыла, снова задала вопрос в темноту:

– Меня долго здесь держать будут?

– До утра можете спать, князь сегодня ночью едва ли станет вас беспокоить, – в тоне Навьена послышалась очередная насмешка.

– Да? И почему это? – мгновенно спросила я.

– Ммм... – повисла некоторая пауза, но затем вампир пояснил: – У князя некоторые проблемы с управлением гневом. Учитывая обстоятельства вашего брака, он счел за лучшее, провести эту ночь в медитации. Потому как, видите ли, княгиня, есть вероятность, что он останется вдовцом раньше, чем планировалось, а дому Даркан это не выгодно.

И у меня кровь в жилах начала стечь от ужаса.

– Чччто? – переспросила дрогнувшим голосом.

– Что конкретно «что»? – издевательски переспросил Навьен.

Да, действительно, вопрос по существу.

Я постояла, пытаюсь осознать все вот это, и припоминая обстоятельства при которых на меня водрузили бриллиантовое орудие слома шеи, после чего до меня начало медленно, но верно, доходить, что на Ивгене Женьер эта кровососущая мразь не женился...

И на Малисент не женился тоже...

Меня пошатнуло...

Потому что внезапно я очень отчетливо осознала – он женился на мне!

ОН ЖЕНИЛСЯ НА МНЕ!

– Я... – горло сжало спазмом, слова прорывались с трудом, – я... я же не дала свое согласие, я...

– Вы низшая, вашего согласия не требовалось, – равнодушно уведомил Навьен.

В следующий миг я бросилась бежать. Прямо в крошечную мглу, сломя голову, и наплевав на возможность случайно самоубиться на такой скорости, потому как бегать в темноте не самое безопасное занятие на свете.

Увы, мне не то, что убежать, мне даже три шага сделать не дали. Тысячелетние вампиры способны обогнать пулю, что говорить обо мне. Навьен просто ухватил за шиворот, развернул, вернул в комнату и захлопнул дверь за мной.

Я осталась стоять, все больше приходя в ужас.

– Я же назвал вас княгиней несколько раз, – произнес вдруг вампир за дверью. – Неужели это не намекнуло вам на ваше новое положение?

– Нет, – прошептала потрясенная я, – назвали и назвали, вы же вампиры, на всю голову ненормальные, мало ли как вы там могли меня называть...

За дверью стало тихо.

Потом Навьен сказал:

– Княгиня, лучше не выходите, боюсь, желание сломать вашу шею становится уже практически невыносимым.

Помолчал и добавил:

– Но, увы, убийство жены прерогатива князя, так что, мне придется просто постоять в сторонке. Жаль, да. Но держите ваше сочувствие при себе, я в нем не нуждаюсь.

– А я и не собиралась вам сочувствовать! – сорвалась на крик.

И тут раздалась трель телефонного звонка. Навьен ответил на вызов, потом отключил телефон. Помолчал немного и сообщил:

– Сочувствую. Ваш отец только что предпринял попытку самоубиться. Сокамерники в шоке, говорят, сам кинулся на нож. Все двадцать раз. Видимо очень настойчивый у вас... папа.

Теперь некоторое время молчала я.

Жалости не было.

Было опустошение.

Ну и еще кое-что:

– Что ж, одной мразью на свете станет меньше. Надеюсь, вы следующий.

Вампир решил, что последнее слово должно быть за ним, и произнес:

– Княгиня, когда князь до вас доберется, я запишу ваши крики на телефон. Поставлю в качестве любимого рингтона. На все входящие. Так что вы будете слышать собственные вопли по сто раз на день, ведь вашим охранником князь назначил меня. Так что... мы будем вместе. Почти постоянно. Мне понравится.

Сука!

Я не стала ни отвечать, ни реагировать – не хотела радовать эту мразь. Не хотела радовать ничем. Прошла, легла на кровать и долгие несколько часов молча смотрела в потолок.

«Вы знаете, кто это? Знаете кто?.. Это тот, кто на закате станет моим мужем, князь Даркан. Как вы думаете, вот после всего этого, я смогу лечь с ним в одну постель?»

Перед внутренним взором стояли полные слез глаза Малисент.

«Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне. Свадьба на закате, все, что мне нужно – спрятаться где-нибудь до ночи. Спрятаться там где не найдет, не достанет, не... Пожалуйста. Только одна ночь. Если меня не будет на закате, ему отдадут другую... другой вариант».

Могла ли я в тот момент подумать, что этим другим вариантом стану я?!

«Значит я для тебя животное?»

Надо было промолчать, надо было просто промолчать! Тупо промолчать, и тогда сейчас на этой кровати лежала бы вовсе не я – а Ивгена Женьер! Черт, стоило просто промолчать!

Я сожалела только об этом. Не о том, что помогла Малисент, этого ребенка, пусть и вампирского, было жаль, но, правда, лучше бы он меня убил там же, в полицейском участке, потому что лежать и понимать, что тебя очень скоро жестоко изнасилуют, не самое приятное чувство на свете. Еще не приятнее знать, что караулящий под дверью Навьен действительно запишет, а кричать... не кричать едва ли получится, учитывая то, что я видела на той записи. Мерзко. И горько от осознания, что дверь не заперта, а слух у вампиров... отменный. Соответственно, князь предполагал появление у меня самоубийственных намерений и подстраховался – Навьен ворвется, как только почувствует неладное. А беречь он меня будет. Ооо, беречь со всем тщанием, потому что как и я отлично знает – хуже смерти для меня только секс с тем, кто не спросил моего согласия заключая брак, соответственно моим мнение по поводу согласия на интимный контакт интересоваться тоже не будет... Даже хуже, он точно знает, что я буду против. Я в принципе пойду на все, только бы не... ложиться в постель с вампиром. Особенно с этим конкретным вампиром...

Часов в семь по моим внутренним ощущениям, в том плане что часов тут не присутствовало, а мой телефон остался в участке, дверь открылась и в комнату вошла Малисент. Юная вампирша поражала своим нарядом – черное платье, белый передник поверх, белые манжеты, воротник, какая-то повязка, тоже белая и кружевная на голове.

– Ты ограбила сексшоп на костюм горничной? – исключительно из вредности спросила я.

Ну и еще потому, что вампирша, кажется, опять собиралась разрыдаться. И уловка сработала – огромные карие глазищи Малисент округлились и вампирша прошептала:

– Нет, вы что, нам запрещено посещать такие места.

От удивления я даже села. А девушка, осторожно ступая с грацией, которая была присуща только ее расе, внесла поднос с едой, вошла в середину комнаты и остановилась, оглядываясь. И или я чего-то не понимаю, или роль горничной эта слишком добрая для вампиров девочка примеряла на себя впервые.

– Так, просто сюда неси, – сказала я.

Малисент отрицательно мотнула головой, задумалась и выдала:

– Грей мне всегда откуда-то столик доставала...

И я поняла, что предположение было верным – роль прислуги была явно не для нее.

– Маль, – позвала я, и едва девушка на меня посмотрела, спросила прямо, – ты, что здесь делаешь?

Она замерла, затравлено глядя на меня, и прошептала:

– Работаю.

– Давно? – хотя вопрос, конечно, был глупым.

Малисент подошла, поставила поднос с едой на кровать, достала из кармана новый мобильник, и ответственно сообщила:

– Двадцать пять минут.

Я взирала на нее со всем потрясением, на которое еще была способна после сегодняшнего. А вампирша торопливо начала рассказывать:

– Пришлось встать на колени, но князь дал дозволение. Я думала, он меня убьет, говорят, он за ночь в родовом склепе разнес стены, но... дал дозволение.

Как я сидела, так и осталась сидеть. Вампирша же остановилась рядом с кроватью, стараясь не глядеть на меня и виновато опустив взгляд.

– Простите меня, – проговорила едва слышно. – За это все... – она сбилась и, опустив голову еще ниже, добавила, – и зззз кактус.

– Кактус тут причем? – оторопела я.

Мелисент, не глядя на меня, вконец потерянно прошептала:

– Господин Навьен сказал, что он был для вас самым близким существом на свете, а я... его... сгрызла.

Пару секунд мои глаза были с две медные монеты по форме, но вот потом.

– Это что? – спросила я, указав на чайничек, не то что бы не понимала, но уточнить требовалось.

– Это кипяток, – торопливо ответила Малисент, – вы же чай любите, я и...

Больше я не слушала. Схватив чайничек, я вскочила, на ходу свинтила с него крышку, отшвырнула и распахнула дверь в темноту. Да, там, за дверью, все еще царил мгла.

– Навьен! – взбешенно позвала я.

– Ну и что? Негодовать будете? – лениво поинтересовался вампир, стоя где-то совсем рядом.

На его голову рядом, потому что в тот же момент в ту сторону я плеснула кипятком! И главное – попала! Это от пули вампир увернулся бы, а на кипяток просто не сразу среагировал, так что когда взбешенный тысячник разъяренно зашипел, я, удовлетворенно хмыкнув, шагнула обратно в комнату, и захлопнула двери перед его красной от ожога рожей.

– Хороший был кипяток, – прислонившись к двери спиной, и сдерживая натиск рвущегося в наше общество тысячника, похвалила я остолбеневшую Малисент. – Качественный. Приноси почаще.

В коридоре между тем кто-то, и я догадываюсь кто, рычал и ревел, выплевывая проклятия, а кто-то его пытался успокоить.

– О, – сказала я, – телефон дай.

Вампирша быстро приблизившись, протянула гаджет. Включив на запись, я приоткрыв дверь, выставила его, записывая ругань взбешенного Навьена, и в итоге у меня было секунд тридцать разъяренных шипений, матюганов, и клятвенных заверений, что он мне шею свернет. Хороший рингтон выйдет.

– Кстати, – я снова закрыла дверь, и поставила запись на повтор, – можешь мотнуться в участок и принести мне мой телефон?

Малисент неуверенно кивнула, а потом сказала:

– Нет. Нельзя. Но вы можете купить себе любой, княгиня.

Я посмотрела на нее, на телефон, снова на нее и спросила:

– Сколько?

Она быстро что-то просчитала, натянуто улыбнулась и сказала:

– Подарок я сделать не могу, князь мне за несогласованный подарок голову оторвет. Но можно засчитать, как компенсацию за кактус... если он был вам дорог.

– О, я его очень любила! – мгновенно заверила ее.

– Тогда телефона мало... – сжалась девушка.

– Не-не, в самый раз, – заверила я, просматривая гаджет и понимая, что он новый, абсолютно новый. Малисент его еще даже к номеру подключить не успела, а потому я смело ввела свой, активировала.

И застыла, едва пришло сообщение, что номер не доступен. Мой номер не доступен!

Посмотрела на Малисент, вампирша стояла, кусая губы, и виновато смотрела на меня.

– Так, – начала я реализовывать решение не скатываться в истерику, – чего я не знаю?

Девушка едва слышно сказала:

– Всего.

И тут в дверь вежливо постучали. Я вежливо открыла. В следующее мгновение меня вежливо окатили ведром ледяной воды. И едва я, проморгавшись, посмотрела на Навьена, тот оскалился и ехидно произнес:

– Княгиня ведь еще не принимала утренний душ, не так ли?

Ах ты... Молча взяла телефон, включила запись на полную громкость и последующие тридцать две секунды с меня капало, а вампир обтекал, но это было очень приятно, потому что хамская усмешка, сменилась звереющим оскалом.

Через эти тридцать две секунды, я взяла и включила запись на повтор.

Навьен протянул руку и молча закрыл дверь.

Я же прослушала свой новый «любимый рингтон» еще раза три, прежде чем самой не надоело.

Повернулась, посмотрела на Малисент, и поинтересовалась:

– Это вообще что сейчас было?

– Утренний душ, – из коридора прорычал Навьен.

– Тебя не спрашивали, мразь тысячелетняя! – ответила ему я.

Рык стал громче.

Я снова посмотрела на Малисент – девушка явно собиралась с духом, то ли что-то сказать, то ли сделать. Я надеялась на первое, но, к сожалению, тут оказался второй вариант:

– Я обо всем доложу князю! – сообщила отчаянно смелая вампирша и поспешила к дверям.

Остановила ее на подходе, неодобрительно покачала головой и спросила:

– Где можно одежду высушить?

Как оказалось нигде, пришлось снимать, потом принимать душ, он тут тоже был, после сидеть с мокрыми волосами и делая завтрак с нервничающей, и потому дико голодной Малисент, выслушивать подробности своего и ее положения.

– Я не знала, что все так получится, – девушка нервно мяла салфетку, слезы снова срывались с ресниц, – думала, если спрячусь в полиции, князю некому будет предъявить претензии... Оказалось, что нет. Мою семью обвинили в ненадлежащем воспитании невесты князя...

– В смысле? – не поняла я.

Вампирша сжалась, и начала быстро, правда немного путано объяснять:

– Князь избрал меня десять лет назад, мне было девять, первое представление ко двору.

Мои глаза снова стали приобретать округлую форму.

А она продолжила:

– Всего было представлено семь кандидатов. Выбрали меня и еще двух девочек. Обязанностью семьи является правильное воспитание невесты князя, я... я не знала. Не знала, что мой побег вменяют в вину папе, я...

– Так, стоп, отставить моральные терзания, продолжить докладывать об обстановке, – потребовала я.

Теперь удивилась Малисент.

– В смысле дальше рассказывай, – пояснила ей.

Она кивнула, и начала дальше:

– В девятнадцать лет князь посетил наш дом, мы с юга, и определился с выбором – из трех кандидатур, выбрали меня. Я... обрадовалась. Такая честь – стать княгиней дома Даркан, и князь он такой... казался хорошим.

Малисент сбилась, и вдруг торопливо начала перечислять:

– Я ведь все про него знаю – любимые книги, предпочтения, фильмы, мелодии, вкусовые пристрастия...

– Кровь девственниц? – мрачно предположила я.

– О, нет, князь предпочитает мясные и рыбные блюда, правильно приготовленные, с подчеркнутыми вкусовыми нюансами... я выучила три тысячи семьдесят рецептов...

Мои глаза продолжили свое стремление обрести круглую форму.

– И... когда ты все это выучила? Уже когда кровососия определился с выбором?

Малисент, странно посмотрев на меня, отрицательно мотнула головой и ответила:

– Нет, он только месяц назад определился, я бы не успела так быстро... Вся подготовка длилась десять лет.

Шмыгнув носом, заправила мокрую прядь волос за ухо и подумала что с таким уровнем маразма, мне еще сталкиваться не приходилось.

– Ты продолжай, продолжай, – попросила я, потягивая зверски крепкий чай, состоявший из одной заварки.

Ну, тут сама виновата, кипяток то я вылила, так, что жаловаться не приходилось.

Вампирша очень старалась быть полезной, даже предложила сходить за кипятком, но в моем состоянии после бессонной ночи чифир был самое то.

– Мы прибыли в замок князя вчера, – голос Малисент дрогнул, – утром. Тиара оказалась не слишком удобной и я попросила немного смягчить обруч, наголовную часть, потому что я молодая очень, у меня еще нет силы, мне было... тттяжело. И мы с папой поехали к ювелиру семьи Даркан. И ттам... тттам...

– Поточнее, – попросила я.

И Малисент поточнила:

– Я сидела в приемной, папа разговаривал с ювелиром, обсуждая возможности, и тут... это сообщение с неизвестного номера... О том, что я стану девятой. О том, кто такой князь Даркан на самом деле... а потом видео...

Она всхлипнула и добавила:

– Я была в ужасе... Просто в ужасе... А потом новое сообщение: «Хочешь свободы – автомобиль ждет внизу».

На этом Малисент замолчала, но затем:

– Я не могла сказать отцу. Если бы он узнал, он бы не простил себе, что отдает меня такому монстру, он бы не пережил, если бы с его девочкой так... вот так, как на видеозаписи. Но я и не дура, я знаю правила – невеста князя не должна оставаться наедине с другими мужчинами никогда. И я не стала искать автомобиль, я пошла в полицию, я...

И я вдруг поняла, что эту девочку подставили.

Кто подставил? А тут даже вопросов не было – я все еще помнила ошарашенный вид Ивгены Женьер в свадебном платье, которое ей не пригодилось...

– Тттак, – медленно проговорила я, чувствуя, как замерзаю, и пытаюсь согреть ладони о чашку со зверски крепким чаем, – объясни мне одно – чем его эта мымра Женьер не устроила? Они же два сапога пара, ей богу!

Девушка удивленно моргнула, затем пожала плечами и прошептала:

– Я не знаю. Может быть тем, что она свободная? Высокопоставленные вампиры свободных не очень любят, независимые женщины вообще мало кому нравятся... вампиры предпочитают зависимых.

Вот после этого, мои глаза окончательно приняли круглую форму и я попросила:

– Поясни, пожалуйста. Что за хрень со свободными и зависимыми?

Малисент глянула на меня как на недоумка необразованного, но затем кивнув скорее своим мыслям, чем мне, выдала:

– А, вы же ничего не знаете.

И выпрямившись, начала объяснять:

– У нас три касты. Низшая – это вы, люди. Средняя – это обращенные. У них нет семьи, но они обязаны подчиняться своему князю, в смысле князю того вампира, который их обратил. И так как у них нет семьи, они не могут ее опозорить и... они свободные, могут ездить самостоятельно, могут ходить по магазинам, могут выбирать любовников, иногда, если они достигли определенного возрастного порога и социального положения, им удастся заключить брак с истинным вампиром. И третья – высшие, то есть рожденные вампирами. Мы, такие кто

рожден в семье, должны постоянно беречь честь семьи и... мы не покидаем дом, без сопровождения мужчины, отца, брата, или охраны. Нельзя.

– Эээ... – у меня уже не было слов. – А как же вы по магазинам ходите?

Не поймите меня неправильно, но я лишь вчера была в «Сиянии» и там было полно вампирш без сопровождения!

– А когда мы идем в магазин, его закрывают от посетителей, – очень тихо сказала Малисент.

– Это как? – не поняла я.

– Пполностью, – прошептала девушка.

И так как мой полный непонимания взгляд выражал сплошной вопрос, добавила:

– Свободным дается пять минут, на то, чтобы покинуть торговый центр, когда к нему приезжаю я... приезжала.

Что?!

То есть вся вот та полная снобизма, высокомерия и тщеславия толпа, которую я видела вчера, при появлении высшей вампирши, вынуждена торопливо сваливать на всех своих каблуках?! Серьезно?!

– Может они вам еще и кланяться должны? – спросила потрясенно.

– Конечно, – ответила как само собой разумеющееся Малисент.

Странное дело, я вдруг подумала об Ивгене Женьер. Сто семьдесят лет тетке... Сто семьдесят. И все эти годы, ну может сто пятьдесят, хрен ее знает во сколько ее обратили, она каждый раз вынуждена была униженно кланяться высшим вампиркам, покидать магазин, если в нем появлялись высшие, ну и все прочее. И вот ей сто семьдесят, и есть шанс взять и стать целой женой Князя и... Помня морду этой мрази, я отчетливо могла представить, насколько сильно она желала перейти на новый уровень социального положения... зверски желала.

– Княгиня?.. – осторожно позвала меня Малисент.

– Подожди, у меня шок, – ответила, делая новый глоток до невозможности крепкого напитка. Честно, это было слишком даже для заварки.

Потянувшись, открыла крышечку и обнаружила, что заварник сначала засыпали заваркой почти доверху, а уже потом сверху кипятка налили.

– Эээ... ты впервые чай заваривала? – спросила у девушки.

Мали виновато кивнула.

– Зачетный чай, – похвалила я, – можно пить вместо водки. Самое то, для меня сейчас.

И тут вампирша прошептала:

– Княгиня, вам нельзя водку...

Я так и застыла, поднеся чашку к губам и уже рот приоткрыв. Но Малисент добила:

– Спиртное нельзя. Сладкое. Пиццу. Вам запрещены все вредные продукты.

До меня вдруг дошло, что чай я пью без сахара. Посмотрела на принесенные продукты – ржаной хлеб, цельнозерновые булочки, сыры... Где мой сахар?!

Внезапно вспомнила, как вчера наворачивала все подряд Малисент, и запоздало поняла:

– Это ты вчера пиццу ела впервые?!

– И пончики, – восторженно прищурилась девушка.

– А раньше – нет? – мне вдруг стало как-то совсем не по себе.

– Раньше нет, – совершенно серьезно сообщила Малисент, – только подобие, ну не из белой муки, и без сладкого. Зелени много, салаты.

Что ж, неудивительно, что вчера она сгрызла мой кактус, похоже ей вообще к растительной пище не привыкать.

И тут я вдруг вспомнила, что говорю с кровопицей же.

– А кровь? – живо заинтересовалась.

Малисент пожала плечами и сообщила:

- Никогда не пробовала. У нас такое запрещено до двадцати одного года, мне еще рано.
- А... а мне? – состояние шока становилось всеобъемлющим.
- Уууже поздно, – сжалась девочка.

И тут в дверь постучали.

После раздался голос Навьена:

- Князь выразил желание видеть княгиню на завтрак...е.

Я напряглась и переспросила:

- Так на завтрак, или на завтракЕ? Вы знаете, разница существенна.

На это тысячник ехидно ответил:

- Полагаю, князь совместит приятное с полезным... Я поставлю телефон на запись.

Вот сука, сука как есть!

- Сообщите князю, что я не голодна, – ответила, понимая, что вообще-то надо бы одеться.

- Так о вашем голоде речи и нет, – язвительно уведомил Навьен.

- Хорошо, передайте князю, что он не голоден, – тоже мне проблему нашел.

За дверью повисло молчание.

Потом кто-то что-то кому-то сказал.

Потом грохнули стены.

И еще через пару секунд Навьен мрачно уведомил:

- Князь ушел медитировать.

И сказано было с таким тоном, что отчетливо слышалось «Ты, сволочь, опять его довела».

Но, кстати, если речь шла не о голоде желудка, то возникает вопрос:

- А точно именно «медитировать», или вы сейчас что-то другое, но очень созвучное имели ввиду?

Дверь распахнулась – разъяренный вампир, у которого рожа начал стремительно терять человеческие очертания, прорычал:

- Слушай ты...

– Княгиня, – подсказала Малисент. Она явно перепугалась, но все равно готова была встать грудью на мою защиту.

– Княгинясссс, – прошипело чудовище. – Еще одно оскорбление князя, и я тебе глотку перегрызу, поняла, ты?!

- «Вы», – снова поправила Малисент.

Если честно, я тоже испытала некоторый... ну страх там, парализующий ужас и все остальные прелести соседства с упырем, но справедливость требовала внесения ясности:

– Я не оскорбляла, я предположила, что вы, возможно, несколько неверно обозначили то занятие, которому сейчас предается князь. Мне простительно. Я, лично, вообще понятия не имею, чем вампиры занимаются в свободное время на утро после свадьбы. Так что я только спросила. Это уже вы интерпретировали все по-своему.

Существенно выдвинувшаяся челюсть Навьена показательно отвисла.

Вампир втянул ее обратно и разъяренно спросил:

- То есть это я оскорбил князя?!

Молча развела руками.

Тысячник прошипел что-то невразумительное, развернулся и хлопнул дверью.

А я вдруг осознала, что безумно устала за эту безумную ночь и жутко хочу спать. И даже цифир не помог.

Но тут в двери постучали вновь.

- Князь ожидает вас, – произнес Навьен.

Неозвученным, но явно отчетливым было в этом «И только рискни сказать хоть что-то».

Я не рискнула, я посмотрела на Малисент и спросила:

- Так?

Просто надеть мне было нечего – все мои вещи стекали каплями воды сейчас в ванной, и до сухости им было еще очень далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.